

В разгар первого месяца года река была ещё скована льдом. Когда Ван Ханьлинь, крутя педали своего велосипеда, свернул в деревню Ван, колёса звонко застучали по промёрзшей земле.

Красная ленточка, привязанная к старой софоре у въезда, развевалась на ветру, а перед глиняной статуэткой божества земли, стоявшей в дупле дерева, курились три тонкие палочки благовоний.

— Эй, Ханьлинь!

Старейшина рода сидел на пороге родового храма, попыхивая трубкой; из-под овчинного тулупа виднелись штанины ватных синих брюк.

Деревенский староста Ван Дэфа выбрался из амбара, отряхивая с брюк пшеничные отруби:

— Ханьлинь, ты как нельзя кстати! Только что из коммуны передали: велели строго пресекать спекуляцию. И та лавочка, где твой второй зять торговал корзинами... — он вдруг осекся, словно осознав что-то, и уставился на туго набитый мешок на заднем сиденье велосипеда.

Был полдень. Яркое солнце косыми лучами проникало сквозь световой колодец, освещая весь храм. Ван Ханьлинь не спеша развязал мешок, и в тот же миг из него хлынул ослепительный золотой свет — там доверху была насыпана отборная рисовая крупа. Зерна были крупными, полновесными и, казалось, источали дивный аромат.

— Настоящее чудо! Всего тридцать дней — и такой богатый урожай! — прошептал Ван Ханьлинь, осторожно поглаживая пальцами рис. Зерна струились в его ладонях, словно золотой ручей.

Затем он поднял голову и, посмотрев на старейшину и старосту, твердо сказал:

— Эту партию риса нужно спрятать как секретный семенной фонд. Если настанут голодные времена, у рода будет запас прочности. А в хорошие годы будем продавать излишки, чтобы пополнить общую казну.

— Старейшина, сейчас еще беспокойно, кто знает, как изменится политика. Нам нужно копить богатство для потомков. У нас здесь даже школы нет, детям приходится ходить за восемь ли в деревню Ли — так дело не пойдет.

Старейшина, дрожа, поднялся на ноги:

— Ханьлинь прав. Японцы разбиты, Гоминьдан сбежал. За эти два года я понял: нынешняя власть действительно заботится о народе. Но страна огромна, нам нужно действовать самим.

— Дэфа, — старейшина обернулся к старосте, — присмотрись к людям. Сердца беспокойны, дела не движутся. Если увидишь тех, у кого ветер в голове гуляет, отправляй их в город. Пусть прочувствуют жестокость жизни, когда нет защиты родного клана, — старейшина говорил со всей серьезностью, и в его глазах читалась решимость.

Ван Ханьлинь добавил:

— Отныне шестьдесят процентов яиц, снесенных в деревне, должны сдаваться в коммуну, а оставшиеся сорок я буду забирать каждый месяц. Это даст людям хоть какой-то доход, нельзя же жить совсем без денег.

— Верно, сделаем так, как сказал Ханьлинь. Но пусть об этом будем знать только мы трое. Ханьлинь, не ввязывайся в другие дела, для всех ты просто закупщик.

— Хорошо, старейшина. Тогда я пойду домой. Второй брат, — Ханьлинь, будучи младше по рангу, обращался к старосте как к старшему, — объявите по радио, что я скупаю всё подряд. И еще: у меня есть пятьсот цзиней семенного риса. Вечером в рощице у края деревни я оставляю их, организуйте людей, чтобы забрали.

— Иди, Ханьлинь.

— До свидания, старейшина, второй брат.

Когда Ван Ханьлинь вышел из храма, старейшина и староста переглянулись с довольными улыбками.

Ван Ханьлинь медленно катил свой издававший виды велосипед. Колеса поскрипывали, словно рассказывая о тяготах минувших лет. Его длинная тень тянулась по земле в лучах заката. Проходя мимо старой усадьбы, он вдруг почувствовал странное дежавю.

В этот момент тишину прорезал резкий звук бьющейся черепицы. Ван Ханьлинь вздрогнул и остановился, глядя вверх. На крыше западного флигеля, пошатнувшись на лестнице, стоял его третий брат Сюэлинь. Он бережно прижимал к груди какой-то предмет. Присмотревшись, Ханьлинь увидел старинный сине-белый керамический сосуд с изящным узором.

— Третий брат, что это за сокровище?

— Какое там сокровище! Отец велел готовиться к весне, соленья солить, вот и достал его. В следующий раз, как приедешь, привези крупной соли, не забудь.

— Не нужно ждать следующего раза, всё уже здесь, в сумке.

Третья невестка поспешила забрать сумку и унести её в дом. Вскоре оттуда донеслись восторженные возгласы:

— Тут сахар, леденцы, соли столько много! Ой, а это что? Рис? Какой же он чистый!

Конечно чистый, из Пространства иначе и быть не могло, подумал Ван Ханьлинь с довольной усмешкой.

Вскоре по деревне разнеслось объявление:

— Вниманию всех жителей! Ван Ханьлинь — закупщик со сталелитейного завода «Красная звезда». Продажа товаров ему является законной закупкой. У кого есть лишнее мясо, сушеные овощи или грибы — приносите в правление для взвешивания и записи, оплата будет произведена централизованно.

— Четвертый, ты в этот раз как закупщик приехал? — спросил дед.

— Да, дедушка. Я уже обо всем договорился со старейшиной и старостой.

— Сходи в правление, не дай людям подумать, что ты, уехав в город, забыл свои корни.

— Слушаюсь, дедушка, сейчас иду.

— Ханьлинь, заходи, — встретил его староста. — У нас есть семнадцать цыплят и пять утят. Поросят было пять у вдовы Чжан, но их вчера уже выкупили из снабженческого кооператива.

— Забирай пока это, я еще поищу.

— Спасибо, второй брат, это большая помощь. Закуривай!

— У тебя всегда отличный табак. Пойдем, посмотрим.

— Второй брат, вот пятьдесят восемь юаней, раздай людям сам, так твой авторитет будет выше. Через полчаса приходите к рощице.

— Не волнуйся, я всё организую.

Добравшись до рощи, Ван Ханьлинь с помощью воли проверил, нет ли кого поблизости, и прошелся по земле, чтобы оставить побольше следов, будто здесь побывала толпа. Затем он выложил пятьсот цзиней риса из своего Пространства.

Вскоре подошли люди с тележками, привезли вяленое мясо и сухофрукты.

— Второй брат, всё готово, забирайте. Рис оставьте здесь, скоро приедет машина и всё увезет.

— Хорошо, Ханьлинь, мы пошли. Возвращайся в город осторожно!

Глядя, как односельчане увозят рис, он подумал, что сделал всё, что мог. К пятьдесят восьмому году у деревни будет достаточно сил, чтобы пережить голодные годы.

На душе стало легко, словно какой-то груз упал с плеч. Разум прояснился. И само Пространство изменилось: десять му превратились в тридцать.

Ха-ха-ха! Поистине, у каждого действия есть последствия. Искренние дела всегда приносят плоды.

В приподнятом настроении Ван Ханьлинь не спеша поехал в город. В пути начал порхать мелкий снег, а он, мысленно заглядывая в своё Пространство, наблюдал, как семнадцать пушистых цыплят весело клюют рассыпанные рисовые зерна, а пять утят пищат, наполняя жизнью это тихое поле.

<http://bllate.org/book/18479/1773182>